

0 19 / 479

I

10

II
7

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА,
УДОСТОЕННЫЕ ПРЕМІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФРѢБЕЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА.

РАЗСКАЗЪ
А. М. СЛИВИЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

32.81043

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФРѢБЕЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА.

Рисунки исполнены Н. А. Богдановымъ.

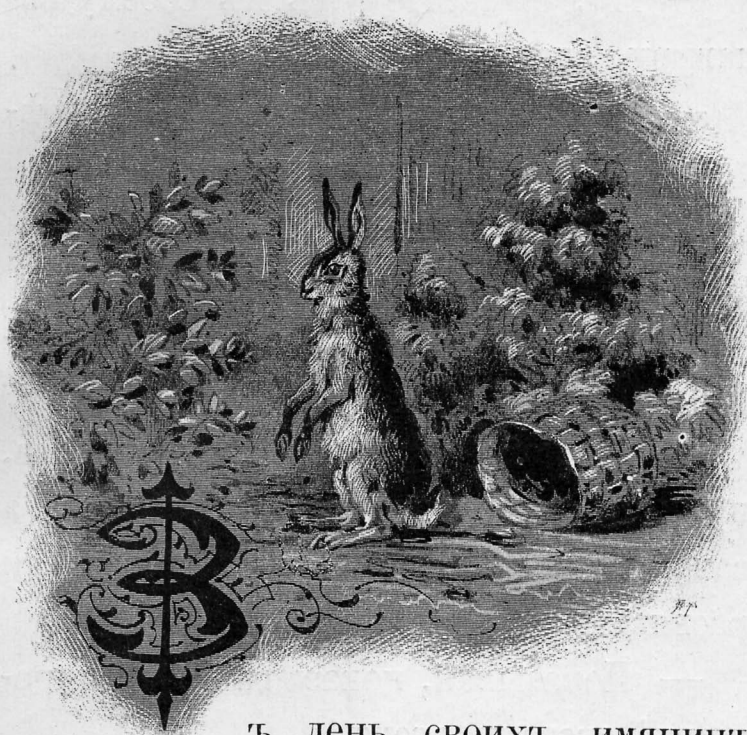
Бумага фабрики А. И. Варгунина.

I.

ъ день своихъ именинъ
Сережа сидѣлъ за чайнымъ столомъ око-
ло бабушки. Онъ только что вернулся
отъ обѣдни.

Вошла няня и доложила барину, что
Григорій, лѣсной сторожъ, пришелъ.
Отецъ вышелъ въ переднюю. Дѣти роб-

Ъ ДЕНЬ СВОИХЪ ИМЯНИНЪ

ко взглянули на бабушку, нельзя ли и имъ убѣжать?

— Ну, ступайте ужъ къ своему балагуру, сказала бабушка.

— Съ ангеломъ, Сереженька! встрѣтилъ Григорій именинника.

Сережа кивнулъ головкой и спросилъ:

— А въ мѣшкѣ у тебя что? Лепешки?

— Лѣсной пирожокъ, Сереженька, принесъ вамъ, отвѣчалъ Григорій, а самъ глядитъ на барина: прикажетъ-ли развязать?

— Показывай, показывай свой пирожокъ! сказалъ отецъ.

Григорій раскрутилъ конецъ мѣшка, вынулъ оттуда кошелку, осторожно запустилъ въ нее руку и... вытащилъ за уши маленькаго зайчика.

— Смотри какой! сказалъ Григорій, поднявъ звѣрька выше своей головы и

повертывая его на всѣ стороны: смотрите, Бѣлячекъ!

Дѣти онѣмѣли... А зайчикъ висѣлъ на ушахъ и подрыгивалъ своими длинными задними лапами. Сердечко его страшно колотилось: съ испугу онъ ничего не видѣлъ...

Спитъ онъ сегодня на утренней зорькѣ въ высокой травѣ и видитъ такой веселый сонъ. Вдругъ чувствуетъ — кто-то схватилъ его... Не успѣлъ бѣдняжка опомниться, какъ сразу ослѣпъ. Его посадили въ темную кошелку и куда-то понесли... Вдругъ его хватаютъ за уши...

— Вотъ теперь съѣсть! ужаснулся зайка, и сердечко его смертельно затрепетало.

А Григорій все вертѣлъ бѣдняжку передъ дѣтьми да приговаривалъ:

— Бѣлячекъ! Недѣльки три ему будетъ!... Капустки давайте, а больше

хлѣбца да овсеца: отъ хлѣба здоров'ѣе будетъ, а то къ зелени пріучишь — зимой отощаетъ... Ишь, дрыгаетъ, ишь, дрыгаетъ!... Погладьте-ка его, погладьте, не бойтесь, Сереженька.

Дѣти поочередно гладили зайку, но такъ осторожно, какъ будто боялись обжечься.

— Какіе у него длинные усы! замѣтилъ Сережа.

— А хвостикъ махонькій, прибавилъ Григорій.

Однако бабушка ждала всѣхъ съ чаемъ; отецъ приказалъ Григорію положить зайчика на время опять въ кошелку, и трепещущій звѣрекъ снова очутился во мракѣ...

Послѣ чаю дѣти принялись устраивать жилье для Бѣлячка. Отецъ позволилъ помѣстить его въ нежилой комнатѣ нижняго этажа; комната была свѣтлая, съ каменнымъ поломъ, дверью

и окномъ. Съ помощью Григорія работа кипѣла: полъ усыпали пескомъ, выложили дерномъ, оставивъ дорожки противъ окна и двери; въ одномъ углу посадили даже можжевеловый кустъ и наложили подъ нимъ мягкаго мху для подстилки; въ дернъ вставили двѣ мисочки: одну для воды и молока, другую — для корма. Окно затянули проволоочной сѣткой, которую самъ Сережа разыскалъ у грунтовыхъ сараевъ.

— Хорошо ему будетъ, Григорій! вскрикнулъ Сережа.

— На что же лучше, Сереженька: свѣтло, прохладно.

— Ну, Григорій, неси же его поскорѣе!

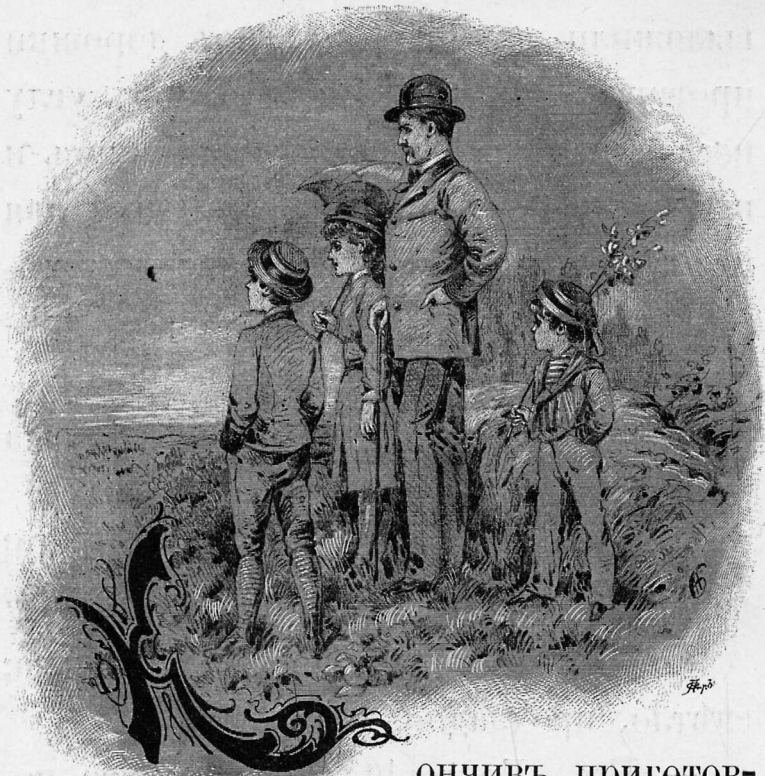

II.

ончивъ пригото-
вленія, дѣти съ шумомъ выбѣжали изъ
комнаты. Они порѣшили смотрѣть на
зайчика въ окно и спѣшили захватить
мѣста поудобнѣе. Имянинникъ остался
позади всѣхъ, но скоро вернулся Гри-
горій и взялъ его на руки. Дверь въ

ончивъ пригото-

зайкину комнату была заперта; кошелка стояла открытою у самой двери; Бѣлячка не было видно... Онъ сидѣлъ на днѣ кошелки совсѣмъ растерянный.

Всѣ притаили дыханіе... Григорій слышалъ, какъ у Сережи билось сердце.

Долго Бѣлячекъ не могъ опомниться.

— А ну-ка, выгляну отсюда! подумалъ онъ наконецъ...

И вотъ изъ лукошка сначала показались уши, а потомъ и вся круглая, глазастая головка. Зайчикъ сталъ осматриваться: поднималъ уши, то оба вмѣстѣ, то порознь, и пресмѣшно поводилъ усиками...

— Я спасенъ! думалось зайкѣ и не вѣрилось...

Онъ все вытягивался, вытягивался, пока не опрокинулось лукошко и чуть не прикрыло его собою: въ одинъ мигъ Бѣлячекъ очутился подъ кустомъ. Онъ

дрожалъ и съ ужасомъ глядѣлъ на лукошко... Лукошко не шевелилось...

— Не хитритъ ли оно? подумаль звѣрекъ...

Глядѣлъ, глядѣлъ — нѣтъ, не шевелится...

— Вѣрно я его убилъ!... Ага! впередъ не трогай меня, вотъ тебѣ!

Онъ медленно скакнулъ: разъ, два и поднялся на заднія лапки...

— Убить! убить!...

И опять: скокъ, скокъ... и еще, — ближе, ближе — лукошко не шевелится... Онъ толкнулъ его мордочкой — совсѣмъ мертвое.

— Ага! обрадовался зайка, а самъ скорѣй опять подъ кустъ...

Посидѣлъ, успокоился, встряхнулся, взбилъ помятую шерсть и началъ умываться: вылизалъ грудку, бока, лапки, захватилъ лапками одно ухо, загнулъ его ко рту и вымылъ, также и другое...

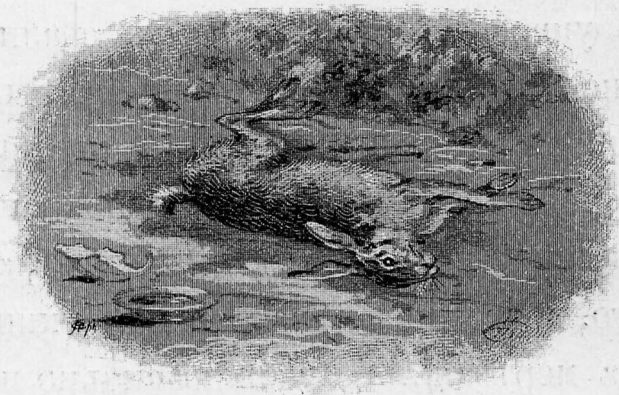
А у Сережи отъ пыли давно уже щекотало въ носу: имянинникъ крѣпился, крѣпился и вдругъ чихнулъ. Зайчикъ до того испугался, что сталъ какъ безумный прыгать кверху, чуть не до потолка, вскочилъ на подоконникъ... „Ха, ха, ха, ха!“ раздалось въ его ушахъ... Онъ кубаремъ свалился на полъ, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ скачковъ по комнатѣ, задѣлъ странное лукошко и наконецъ очутился опять подъ кустомъ. Настороживъ уши, онъ долго, долго прислушивался; но тишина была мертвая... Солнышко сильно пригрѣвало его; зайка помахалъ по воздуху передними лапками, быстро подвернулъ ихъ подъ себя и точно замеръ съ полузакрытыми глазами... Григорій шепталъ:

— Глядите, Сереженька, задремалъ глазастый, задремалъ.... Это онъ спать будетъ...

Зайка разнѣжился: перевалился на бочекъ и растянулся на солнышкѣ во всю длину...

III.

ослѣ обѣда Се-
режа подкрался къ зайкиной комнатѣ;
сквозь щель двери онъ съ радостью
увидѣлъ, что плѣнникъ кушаетъ: во
рту Бѣлячка шевелился свѣжій соч-
ный листокъ, а на рыльцѣ его вид-
нѣлись слѣды молока. Значить, на до-
сугѣ заяка отвѣдалъ всего понемногу.

ослѣ обѣда Се-

Тутъ сошла внизъ бабушка. Она сказала:

— О, какъ ему здѣсь хорошо: точно зимній садъ!

Она потребовала себѣ стулъ и усѣлась возлѣ окна; потомъ приказала принести ей работу...

Вдругъ въ комнату вбѣжала бабушкина собачка Мимишка, страшная игрунья. Зайчикъ сразу замѣтилъ Мимишку. Въ одинъ мигъ уши его поднялись, какъ палочки, и онъ сдѣлалъ такую мину, будто хотѣлъ провалиться сквозь землю.

— Укусить, укусить! закричалъ Сережа.

Но Григорій, стоя на дворѣ, подъ окномъ, успокоилъ его:

— Не бойтесь, Сереженька, не укусятъ; они сейчасъ играть начнутъ.

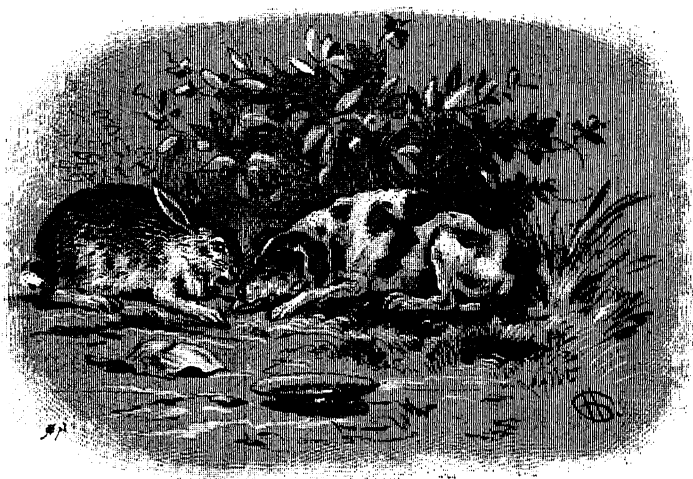
Бѣлячекъ началъ вдругъ постукивать задними лапками, забрался въ

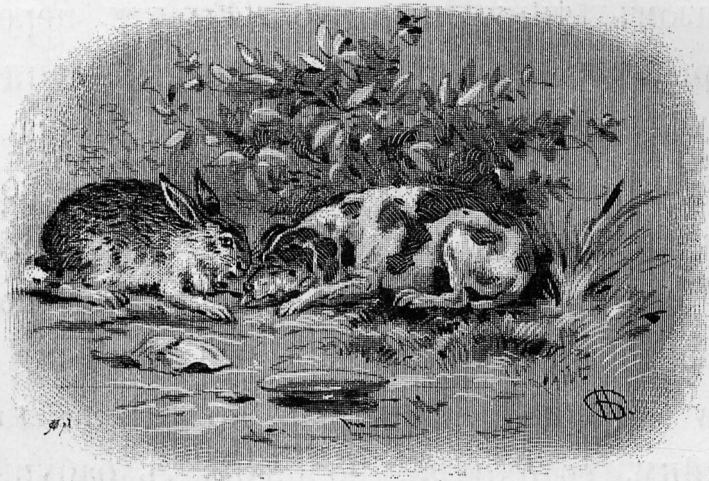
уголъ, закинулъ уши назадъ и ожидалъ. Мимишка подбѣжала къ нему, но онъ приподнялся и ударилъ ее лапками. Собачка отскочила, завизжала, залаяла, но подойти къ зайчику уже боялась.

Она пошла теперь на мировую: вытянулась на брюшкѣ и, виляя хвостомъ, стала потихоньку подползать къ Бѣлячку; подползла и давай осторожно и нѣжно лизать его. Тотъ все билъ ее своими лапками, однако съ каждымъ разомъ тише и тише... Вдругъ перепрыгнулъ черезъ Мимишку и медленно поскакалъ вдоль стѣнъ... Мѣрными скачками кружилъ онъ по комнатѣ, а собачка ни на шагъ не отставала отъ него и подталкивала его мордочкой, и нюхала, и лизала. Однако, на пятомъ кругѣ собачка утомилась: поглядѣла на зайку, вздохнула, подошла къ бабушкинымъ ногамъ и, свернувшись клубочкомъ, скоро уснула.

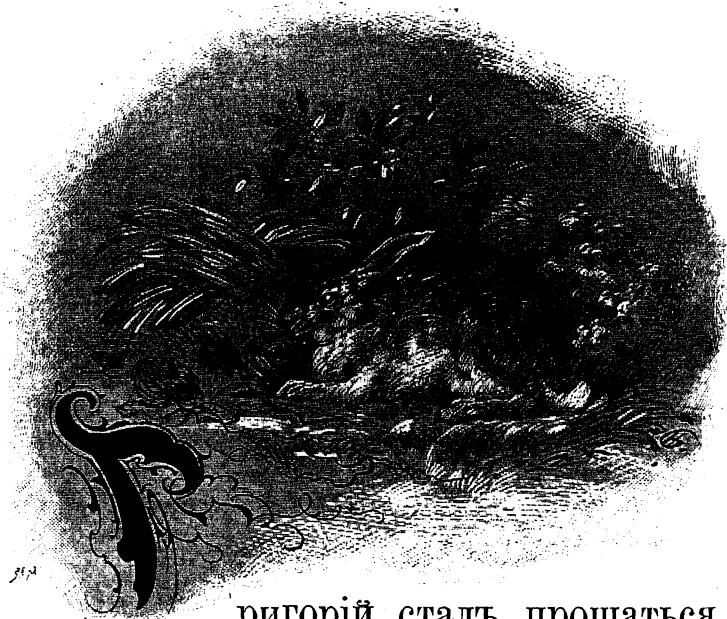
— Что, уходилъ онъ тебя, шалунья?
сказала бабушка.

А Бѣлячекъ, подскакавъ къ кусту,
опять забарабанилъ лапками, словно
торжествовалъ свою побѣду; наконецъ
совсѣмъ расхрабрился: весь вытянув-
шись и тихо ступая, онъ подошелъ къ
Мимишкѣ и понюхалъ сонную собачку
въ самую мордочку...

IV.

ригорій сталъ прощаться. Уходя, онъ обѣщалъ показать, какую траву слѣдуетъ рвать для зайчика. Дѣти побѣжали за нимъ. Бабушка занялась чулкомъ: она внимательно слѣдила за спицами, изрѣдка повторяя:

— Ты спишь, Бѣлячекъ?... Спи, спи. И Мимишка спитъ.

И такъ бабушка все приговаривала, пока сама не задремала...

ригорій сталь прощатся.

Заслышавъ голоса, она встрепенулась и принялась за работу. Вернулся отецъ съ дѣтьми, а за ними Григорій съ цѣлой охапкой разной травы и нѣсколькими вѣтками дикой малины. Бабушка вязала, Мимишка спала, Бѣлячка не было видно.

— А гдѣ же зайчикъ? спросилъ отецъ.

— Онъ спитъ въ углу, отвѣтила бабушка, не оборачиваясь.

Но ни въ одномъ углу звѣрька не было.

— Куда же онъ дѣвался? спросила бабушка.

Сережа догадался заглянуть подъ стулъ, да такъ и вскрикнулъ:

— Ахъ, бабушка, бабушка, что онъ съ вами сдѣлалъ!

Всѣ обступили старушку. Съ испугу она выронила чулокъ и сидѣла, не шевелясь, съ самымъ растеряннымъ ви-

домъ. Наконецъ она заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Ну, что же, Сережа, онъ сдѣлалъ? говори поскорѣе, не мучь ты меня!

— Бабушка, онъ вамъ изгрызъ все платье!

Старушка разсердилась:

— Ахъ, негодный! ахъ, какой безтолковый звѣрь!... Кормъ у него подъ носомъ, а онъ платье грызетъ!.. Это шалость, за которую слѣдуетъ его теперь же наказать.

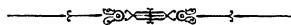
Но пока она выбирала лучшую вѣтку у Григорія, забытый на время зайчикъ нашелъ себѣ новую работу: онъ преспокойно грызъ клубокъ нитокъ, а подлѣ него лежалъ уже испорченный чулокъ, на которомъ виднѣлись дырочки, точно вырѣзанные ножницами. Бабушка вышла изъ себя... Съ зеленымъ прутикомъ въ рукахъ она пристушила къ наказанію. Сережа готовъ

уже былъ заплакать; но у бабушки. все какъ-то не ладилось: нѣсколько разъ она стегнула попусту; Бѣлячекъ же, чѣмъ бы бѣжать, давай ловить розгу, вырвалъ ее, отскочилъ, мигомъ раскололъ вдоль своими острыми зубками и сталъ кушать, какъ ни въ чемъ не бывало... Бабушка растерялась.

— Хотя бы ты, Григорій, помогъ! взмолилась она.

Григорій, смѣясь и почесывая затылокъ, выбралъ новую розгу, но... на зайкино счастье проснулась Мимишка... и все пошло вверхъ дномъ: съ прутикомъ во рту заяка метался по комнатѣ, а Мимишка изъ всѣхъ силъ старалась отнять его находку.

— Ахъ, какой онъ глупый! говорила бабушка: ну, дѣти, я больше сюда ни ногой...

V.

ережа замѣтилъ,
что няня съ перваго же дня не взлю-
била Бѣлячка. Въ комнату зайчика не
заглянула, какъ ни просили 'ее дѣти.
Даже мелькомъ онъ слышалъ, какъ
старушка выговаривала Григорію: „За-
чѣмъ принесъ? зачѣмъ принесъ“?
Но тотъ отвѣтилъ: „Пустое, няня, ме-
лешь“.

ережа замѣтилъ.

Укладывая Сережу спать, няня вдругъ начала облизывать ему все лицо, долго крестила его и отплевывалась. И ни за что не хотѣла сказать, зачѣмъ это она дѣлаетъ. Ту же продѣлку она повторяла и въ слѣдующіе дни. Сережа такъ привыкъ къ этимъ вечернимъ церемоніямъ, что самъ бывало скажетъ: „Скоро, няня, лизать начнешь?“ Когда Сережа говаривалъ: „Ахъ, няня, какъ я люблю Бѣлячка! Вѣдь хорошій Бѣлячекъ?“ Няня ворчала: „Хорошъ, хорошъ, лишь бы тебя-то сохранилъ Господь?“ „А ты его, няня, не любишь?“ Няня промолчитъ или скажетъ: „Да ужъ будетъ тебѣ, болтушка! снимай-ка сапожки“.

Между тѣмъ, Бѣлячекъ съ каждымъ днемъ дѣлался забавнѣе: спалъ все меньше, а рѣзвился, особенно по вечерамъ, безъ конца: бѣгаетъ за дѣтьми, мотаетъ ушами, прыгаетъ... Сережа игралъ съ

нимъ по цѣлымъ днямъ... Кличку свою зайчикъ заучилъ очень скоро; стоило крикнуть: „Бѣлячекъ!“, и онъ прибѣгалъ. Мимишка привязалась къ зайкѣ не менѣе Сережи; но не она уже гоняла Бѣлячка, а звѣрекъ самъ преслѣдовалъ ее на каждомъ шагѣ.

Къ дѣтямъ зайка привыкъ, скучалъ, когда оставался одинъ въ своей комнатѣ: грызъ дверь, стучалъ въ нее лапками, пока не войдутъ къ нему. Сережа бралъ его въ комнаты, но всякій разъ наживалъ непріятности: въ нѣсколько минутъ Бѣлячекъ успѣвалъ досадить всѣмъ... Звѣрекъ грызъ... грызъ все...

Однажды Сережа просыпается, видитъ — на дворѣ снѣгъ идетъ. Гулять дѣтей не пустили. „Устрою-ка я Бѣлячку зиму!“ подумалъ Сережа. Притащилъ своего любимца въ дѣтскую, набралъ разной бумаги, накрошилъ ее въ мелкие

кусочки и давай посыпать зайку этимъ снѣгомъ... Бѣлячка, повидимому, забавляло это; онъ позволялъ засыпать себя всего съ головой и вдругъ вскакивалъ, чѣмъ смѣшилъ Сережу. Няня разворчалась:

— И не думай! я мести не стану! Пусть барыня увидить, какъ онъ намусорилъ!.. Что-жь это за наказаніе, прости Господи!

Старушка стала высчитывать всѣ проказы Бѣлячка:

— Смотри, на что стѣна похожа! а столъ? У, постылый, и сундучишко-то мой изгрызъ!

Потомъ няня ни съ того, ни съ сего хватилась Сережиныхъ калошъ: „Гдѣ калоши? гдѣ калоши“? А калоши-то Сережа забылъ въ комнатѣ у Бѣлячка. Пошла туда няня... и вдругъ что-же она видитъ? Отъ калошъ остались однѣ обгрызанныя подошвы... Тутъ няня вспо-

лошилась, подняла цѣлый домъ на ноги. Нажаловалась отцу, бабушкѣ, вбѣжала въ дѣтскую и съ такимъ крикомъ кинулась на Бѣлячка, такъ замахала на него подошвами, что бѣдный звѣрекъ съ перепугу всѣмъ тѣломъ хлопнулся объ стѣну и сильно ушибся. Сережа поспѣшилъ снести его внизъ. Бѣлячекъ совсѣмъ расхворался...

— Не буду любить няню! шепталь Сережа, лаская своего друга и обливаясь слезами.

Звѣрекъ какъ будто понялъ, что его жалѣютъ: успокоясь немного, онъ сталъ спѣшно лизать своимъ горячимъ язычкомъ Сережины ручки. Сережа хотѣлъ поцѣловать Бѣлячка, тотъ принялся облизывать его мокрыя щеки, потомъ ротикъ... и такъ прилежно, торопливо, что Сережа сразу развеселился... Казалось, несчастье сдружило ихъ еще болѣе.

Къ великой радости дѣтей, Бѣлячекъ оправился на другой же день. Про калоши всѣ какъ-то забыли и думать, словомъ, бѣда, казалось, миновала благополучно. Но вотъ горе: няня стала жаловаться, что „заяцъ нечистый звѣрь, въ домѣ его держать не годится: накличетъ онъ бѣду на насъ, охъ, накличетъ!“

— Конечно, барыня, на то ваша воля, говорила она бабушкѣ: дѣло это не мое...

Бабушка хоть и спорила съ няней, но слегка растревожилась и успокоивала себя только тѣмъ, что вѣдь комната Бѣлячка нежилая. Однако бабушка строго запретила вносить Бѣлячка въ жилыя комнаты. Для Сережи это было большимъ горемъ, особенно зимой, когда его и внизъ пускали рѣдко. Правда, онъ вскорѣ примирился съ няней, но часто говаривалъ ей:

— За все люблю тебя, няня, а за
Бѣлячка не люблю.

— Не люби, не люби, отвѣчала няня:
будь только здоровъ, Господь съ тобою!

VI.

Съ началъ весны бабушка получила изъ губернскаго города какое-то пренепріятное письмо; она, бѣдная, нѣсколько часовъ проплакала, потомъ долго бесѣдовала

тъ началъ вес-

съ отцомъ, и вдругъ отецъ, спѣшно собравшись, уѣхалъ куда-то далеко.

На другой день, послѣ утренняго чая, Сережа по обыкновенію сбѣжалъ къ Бѣлячку, чтобы поздороваться и поиграть съ нимъ. Но Сережѣ не удалось вдоволь наигратъся со своимъ любимцемъ: его скоро позвали наверхъ учиться.

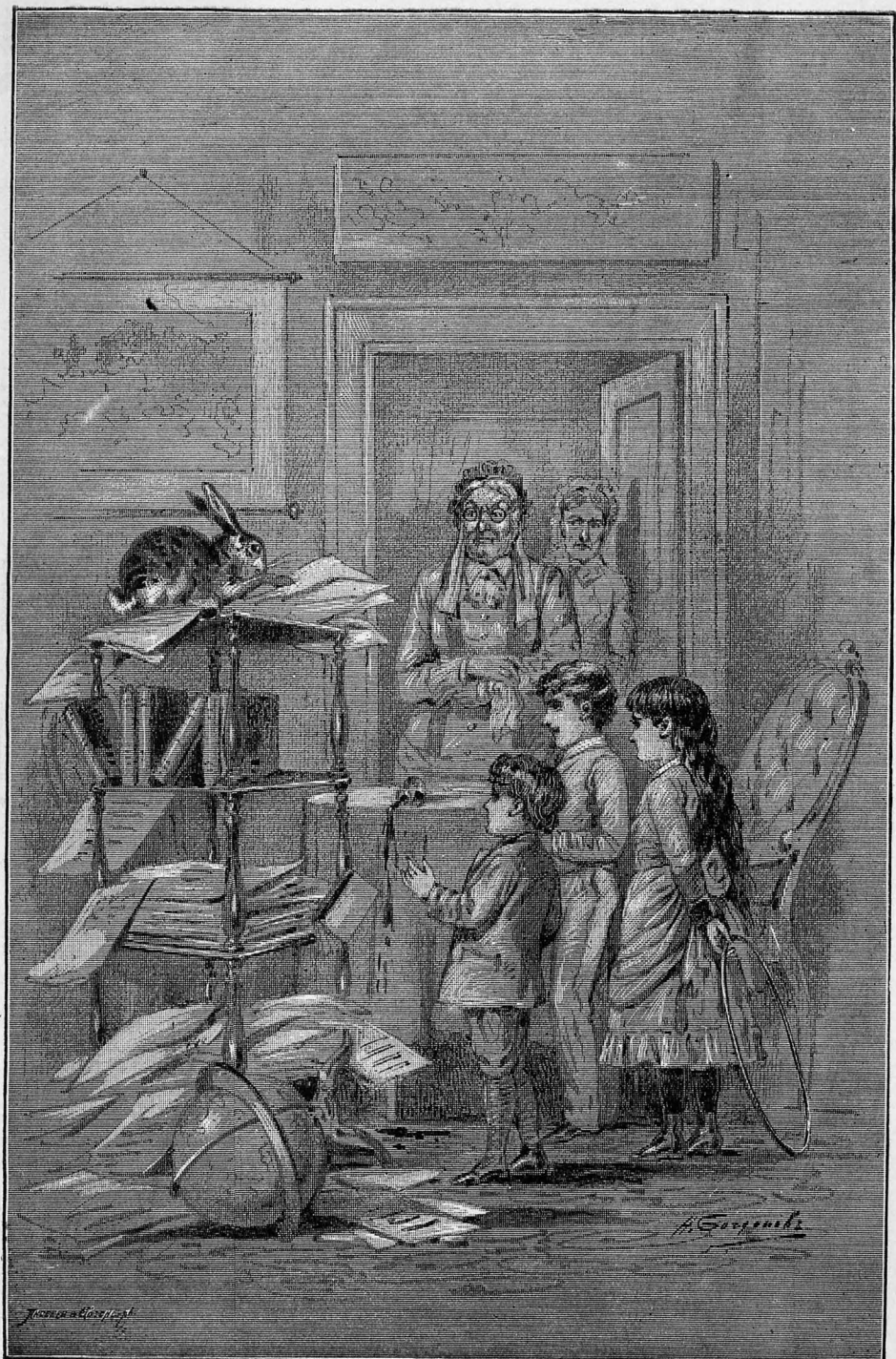
Старшія дѣти уже занимались; они показали Сережѣ, что задано ему списать съ книги... Сережа усѣлся... Но работа его не клеилась: весеннее солнышко такъ привѣтливо, такъ настойчиво манило его къ себѣ... Онъ исчезъ и вскорѣ вернулся, пряча что-то подъ своей курткой. Старшія дѣти продолжали усердно заниматься. Вдругъ что-то свалилось къ нимъ на столъ... Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ: Бѣлячекъ сидѣлъ на столѣ и какъ будто обдумывалъ, съ чего бы начать свои про-

казы. Онъ потянулъ легонько за перо, опрокинулъ чернильницу и, когда дѣти вскрикнули, опрометью бросился со стола, задѣлъ глобусъ, уронилъ его на полъ и вмигъ очутился на этажеркѣ. Тутъ онъ совсѣмъ ужъ развозился: книги и тетради такъ и летѣли во всѣ стороны... Въ эту минуту въ классную вошла бабушка, а за нею няня...

— Такъ вотъ вы чѣмъ безъ меня занимаетесь? сказала бабушка. Прекрасно!.. Ну, няня, отнеси его пока на мѣсто, и чтобы никто изъ дѣтей къ нему ни ногой! Да ударь его хорошенько: посмотри, какъ онъ, противный, треплетъ тетрадь... Унеси же, унеси поскорѣе, я его видѣть не могу.

Дѣти стояли какъ вкопанныя. Бабушка повернулась и вышла, не сказавъ больше ни слова.

Сережа не выдержалъ: бросился въ дѣтскую, упалъ на свою постельку,

J. C. G. 1871

H. G. 1871

спряталъ лицо въ подушку и разрыдался...

Няня принялась было уговаривать его; Сережа оттолкнулъ старушку и, задыхаясь воскликнулъ:

— Все... ты! Все ты! бабушка прежде любила его... и въ комнаты пускала... А ты... Все ты!...

Няня сидѣла какъ виноватая.

Сережа плакалъ, пока не заснулъ; проснулся онъ подъ вечеръ; возлѣ его кровати стояла бабушка; она потрогала его головку и спросила:

— Больно?

— Да, робко отвѣтилъ Сережа.

— А потому, что не слушаешься, сказала бабушка и вышла изъ дѣтской.

Няня принесла обѣдъ, но Сережа не хотѣлъ кушать. Старушка не настаивала; прикрыла все салфеткой, усѣлась возлѣ Сережиной кровати и точно ожидала чего-то...

Долго оба молчали. Но вотъ Сережа вздохнулъ и спросилъ:

— Гдѣ Бѣлячекъ?

— У себя, дѣточка... Тамъ они съ Мимишкой такіе-то концы задають!..

— А ты зачѣмъ ходила къ нему?

— Какъ зачѣмъ? Травки ему свѣжей снесла, молочка... Мимишку отвела къ нему, чтобъ не скучалъ... А ты, Сереженька, скушалъ бы супцу, право, головка пройдетъ.

— Ну, давай, согласился Сережа.

Онъ обѣдалъ, а няня его утѣшала:

— Завтра, Сереженька, поучишься, дастъ Богъ, попросишь прощенія у бабушки, вотъ и сходишь къ нему. А въ комнаты не приказано носить, надо слушаться... Бабушка и безъ того разстроена... Надо ее успокоить, дѣточка. Она все убивается, сердечная, что письма отъ папашеньки нѣтъ...

Скоро настала и ночь. Старшія дѣти

уже легли спать; уложила няня и Сережу. Но ему не спалось... Онъ лежалъ, закрывъ глазки, и думалъ: простить-ли его завтра бабушка? а ну какъ не простить!...

Все стихло... Няня вошла на цыпочкахъ и стала молиться... Потомъ начала крестить Сережу. Онъ открылъ глазки и тихо, тихо покликалъ ее.

— Няня!... Нагнись ко мнѣ, няня, еще, еще... да ближе!

— Ужели не спишь, дѣточка? чего-же ты хочешь?

— Милая, прошепталъ Сережа, принеси мнѣ его на прощанье!

— Кого это?... Охъ, да что ты это выдумалъ! И слушать не хочу!

Но Сережа крѣпко охватилъ нянину шею своими рученками и осыпалъ ее поцѣлуями, приговаривая:

— Хоть на минуточку, хоть на секундочку!...

Какъ ни крѣпилась няня, — сдалась.

— Ахъ, Сереженька, наказанье мнѣ съ тобой! Да ужъ полно хотъ плакаты-то, перестань, а то глазоньки распухнутъ!

Осторожно, какъ тѣнь, прошла няня сначала къ бабушкиной спальнѣ, постояла, послушала; потомъ спустилась по лѣстницѣ внизъ и вернулась съ Бѣлячкомъ.

— На, капризникъ, не плачь!... А когда спать-то мы будемъ? У, постылый звѣрь, околдовалъ онъ тебя совсѣмъ!... Ну, радуйся, Сереженька: сейчасъ письмо съ почты привезли. Завтра повеселѣетъ наша голубка; ужъ сегодня будить ее не стану.

Няня положила письмо на комодъ и прилегла.

А зайчикъ, очутившись на Сережиной кровати, словно того только и ждалъ; вмигъ утопталъ для себя гнѣз-

дышко возлѣ Сережи, уютно усѣлся и принялся лизаться... Сережа трепеталъ отъ восторга.

„Лишь бы заснуть“, думала няня, „тотчасъ унесу отъ грѣха поскорѣ“.

Но Сережа совсѣмъ разгулялся. Няня ждала, ждала... и уснула какъ убитая. Вскорѣ заснулъ и Сережа, и такъ проспали они до утра. Одинъ Бѣлячекъ бодрствовалъ. Погрызши немного Сережино одѣяло, онъ захотѣлъ погулять... Ночь къ тому же была лунная, а въ такія ночи зайчикъ любилъ порѣзвиться. Похозяйничавъ въ дѣтской, онъ перешелъ въ другія комнаты; добрался до бабушкинаго кабинета... здѣсь на мягкомъ коврѣ ему особенно понравилось.

За ночь шалунъ такъ напроказилъ, что на утро бабушка ахнула... Главная же бѣда: доложили бабушкѣ о письмѣ, а когда няня хватилась этого

письма, его нѣтъ... Куда оно запропало? вѣдь не съѣлъ же его Бѣлякъ? Отодвигали комодъ, въ дѣтской подымали половицу, весь домъ перерыли, нѣтъ... какъ будто сквозь землю провалилось...

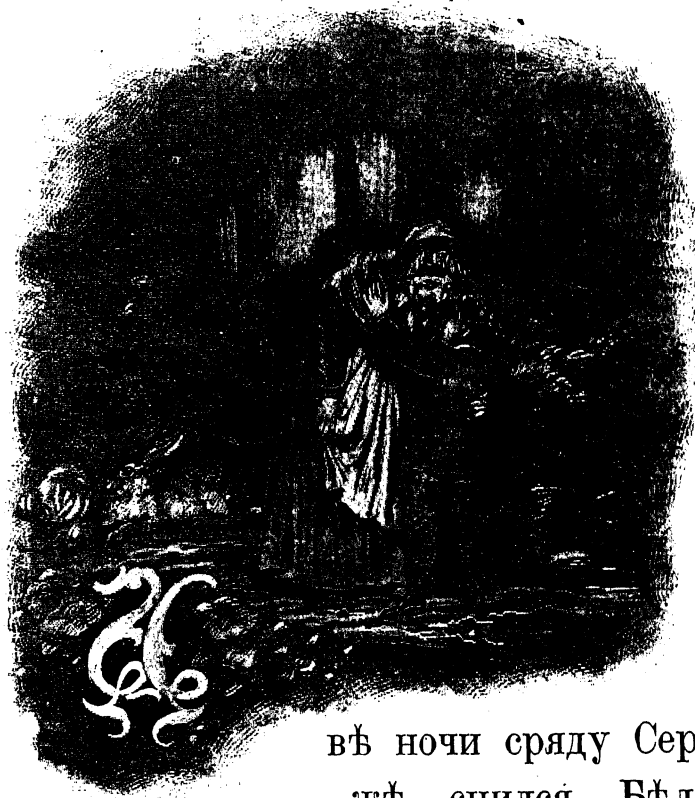
Забытый всѣми, Сережа, сбѣжалъ на минуту въ комнату Бѣлячка: дверь была отворена настежь... Сережа остановился на порогѣ, всплеснулъ руками да такъ и замеръ... Бѣлячка не было... Стояло блюдо съ недопитымъ молокомъ; валялись кусочки хлѣба; прутикъ, весь обгрызанный, лежалъ на подоконникѣ... но зайчика не было. Не помня себя, вернулся Сережа на верхъ. Весь день онъ вопросительно поглядывалъ на няню, но спросить ее о зайчикѣ боялся: бѣдная старушка и безъ того до-красна наплакала себѣ глаза, ей порядкомъ досталось отъ бабушки. Съ другими Сережа тоже не рѣшался заговорить о Бѣ-

лячкѣ. Блѣдный, съ впалыми глазами,
онъ сновалъ изъ угла въ уголъ, нигдѣ
не находя себѣ мѣста.

Ⅶ.

вѣ noci cpyдy Cere-
жѣ cнuлcя Бѣля-
чекъ, и ещe гpycтнѣe cтaнoвuлocь eмy,
кoгдa онъ, пpoбуждaяcь, вcпoмuнaлъ
o cлyчuвшeмcя. Втopyю нoчь онъ дaжe
бредuлъ. Кoгдa нa yтpo няннa пpуннa-
лacь oчuщaть зaукунy кoмнaтy, онъ нe

вѣ noci cpyду Cere-
жѣ cнилcя Бѣля-

могъ удержаться отъ горькихъ слезъ. Бабушка замѣтила, что Сережа поху-дѣлъ, и приказала ему въ этотъ день не учиться, а идти съ няней гулять.

Послѣ уборки няня вывела его въ садъ; садомъ они вышли къ конюшнямъ; няня обошла ихъ кругомъ и ввела Сережу во дворикъ... Это былъ маленькій заброшенный дворикъ; въ него рѣдко кто заглядывалъ, онъ весь заросъ травой; одной своей стороною онъ упирался въ глухую стѣну конюшни, а съ трехъ другихъ сторонъ былъ окруженъ крѣпкимъ высокимъ заборомъ; у забора росли трава и кусты. Дворикъ этотъ дѣти называли „нянинымъ садикомъ“: няня иногда разбивала въ немъ клумбы и грядки.

Отворили калитку, вошли... И что-же? Посреди дворика сидитъ Бѣлячекъ. Сережа бросился обнимать няню...

— То-то и есть! сказала старушка:

а все тебѣ няня нехороша? Вотъ и щечки раскраснѣлись, дѣточка ты мой...

А Сережа шепталъ въ восторгѣ:

— Няня милая, ты никому не говори; пусть онъ у насъ живетъ тутъ и лѣтомъ, и зимой.

— Такъ-то такъ, Сереженька, да вотъ бѣда: Мимишка скверная пронюхала, то и дѣло сюда таскается. А какъ черезъ нее провѣдаютъ другіе, что мнѣ тогда будетъ? Вѣдь бабушка приказала вонъ его выкинуть! А какъ его выкинешь? Развѣ я не вижу, какъ ты его любишь! Ну, думала, думала и снесла его сюда. Ахъ, собаченка хитрая: слышишь, ужъ въ калитку царапается!

Няня поспѣшила впустить Мимишку; но едва зайчикъ и собачка разыгрались, няня сказала:

— Ну, пойдѣмъ-ка, Сереженька, поскорѣе, пока не хватились въ домѣ.

Вечеромъ пріѣхалъ отецъ, веселый,

бодрый... Первые его слова были къ бабушкѣ: „успокойтесь—все обошлось благополучно!“ Онъ много смѣялся, когда рассказали ему, сколько всѣмъ хлопотъ надѣлалъ Бѣлячекъ, и очень былъ радъ, что письмо не попало въ руки бабушки.

— Я такъ жалѣлъ, что отослалъ его вамъ, сказалъ онъ бабушкѣ: письмо это только бы напрасно разстроило васъ. И зачѣмъ вы бѣднаго зайчика выгнали?.. Что, Сережа, жаль тебѣ Бѣлячка?

Сережа, услыхавъ этотъ вопросъ, покраснѣлъ до ушей; няня кинулась съ повинною къ барынѣ, и все открылось... Дѣти сбѣгали за Бѣлячкомъ, поднесли его къ бабушкѣ; тотъ сталъ лизать ея руку, словно просить прощенія. Бабушка поглядѣла ласково на зайчика и сказала:

— Охъ, ты плутишка! Смотри, впередъ не шали, а то ужъ я не прощу... А все-таки пусть онъ остается въ няни-

номъ садикѣ, — такъ-то будетъ покойнѣе.

Бѣлячку жилось на новомъ мѣстѣ не хуже прежняго; но онъ съ каждымъ днемъ сталъ дичать все болѣе и болѣе: спустя недѣлю онъ уже убѣгалъ въ кусты, едва завидитъ человѣка; иногда прятался въ травѣ, такъ что съ трудомъ могли отыскать его, даже Мишки дичился. Потомъ началъ тосковать, мало ѣлъ, беспокоился...

Разъ Сережа, придя въ садикъ, не нашелъ зайчика.

— Няня, няня, закричалъ онъ: да иди же скорѣй!... Няня, зайчикъ пропалъ!

— Полно, Сереженька, куда онъ дѣнется?

— Ушелъ, ушелъ... Смотри, няня, подъ заборомъ подкопано... Ну, что мнѣ дѣлать, няня?

Сережа плакалъ безутѣшно.

— Вѣдь пойми, няня, онъ пропа-

детъ: его сегодня же Григорій застрѣ-
литъ... Ты, няня, ничего не понимаешь!

— Э, Сереженька, да что ты на меня
то кричишь? чѣмъ я виновата? Да и
кто весною зайцевъ бьетъ?

— Ну, Григорій его убьетъ осенью.

— Какъ это онъ посмѣетъ, если ему
закажутъ зайцевъ не стрѣлять... Поди,
милый, ко мнѣ, я тебѣ глазки утру.

Сережа все всхлипывалъ и говорилъ:

— Я папу попрошу, чтобъ Григо-
рій не смѣлъ стрѣлять зайцевъ.

— Вотъ это дѣло, попросимъ... Еще
гляди, какой онъ на волѣ гладкій станетъ!

— Его, няня, никто не поймаетъ?

— Поймаешь его! въ саду бывало
умаешься гоняючись... Погоди-ка-сь, Се-
реженька, я тебя на заборъ подсажу,
вотъ такъ... Ну, теперь крикни ему:
„Прощай-де, Бѣлячекъ, а будетъ пло-
хо, назадъ приходи!“

— Прощай, Бѣлячекъ! кричалъ Се-

режа сквозь слезы: приходи, приходи!

Но зайчикъ не вернулся. Дня черезъ два дѣти зашли съ прогулки къ Григорію. Разказали о бѣгствѣ Бѣлячка.

— Такъ, такъ, сказалъ сторожъ, а я-то голову ломаю, что за заяцъ повадился ко мнѣ ходить? Точно кошка!

Григорій обѣщалъ не трогать его.

VIII.

тояла ненастная осень. За-
бѣжитъ зайчикъ въ поле, грязь, да лип-
кая такая, облѣпитъ лапы, еле бѣд-
няжка волочить ноги, въ лѣсъ зайдетъ,
тоже безпокойно: вѣтеръ гудитъ, листья
сыплются, шумятъ, страшно зайкѣ. А
тутъ еще на горе шубка выцвѣла: самъ
бѣленькій какъ снѣгъ, а земля черная,

ТОЯЛА НЕНАСТНАЯ ОСЕНЬ. За-

куда скроешься? Только и спасался Бѣлячекъ въ осокѣ да между болотныхъ кочекъ.

Разъ выдался тихій, тихій денекъ, пасмурно, а тепло, и дождя нѣтъ. Надоѣло зайкѣ въ осокѣ сидѣть, пошелъ онъ въ лѣсъ прогуляться. Наскакался вдоволь, прилегъ отдохнуть. Лежитъ себѣ зайка, денекъ похваливаетъ, слышитъ: далече, далече собаки залаяли. Навострился Бѣлячекъ, не видать никого. Вдругъ застучало что-то, захлопало, шумъ, гвалтъ со всѣхъ сторонъ, отъ собачьяго лая въ ушахъ звенить... Видитъ Бѣлячекъ, несется пара зайцевъ... Шерсть на немъ дыбомъ стала, какъ разглядѣлъ онъ ихъ: до того перепуганы сердечные, что виду заячьяго въ нихъ нѣтъ; глаза выпучены, вотъ-вотъ лопнутъ; кличетъ ихъ Бѣлячекъ, не слышать, мимо пронеслись... Кинулся и онъ за ними... Приостановились духъ

перевести, спрашиваетъ Бѣлячекъ: что видѣли?

— Собакъ, собакъ... лошадей, а на лошадяхъ и невѣдомо кто!

Глядь, двѣ лисицы мимо нихъ трусятъ: присмирѣли, куда и прыть дѣвлась; а за лисицами и волкъ, дрожитъ, зубъ на зубъ не попадаетъ... Зайки было отъ него, куда тамъ, онъ и не глядитъ: миновалъ ихъ, обернулся, вздохнулъ, пошелъ дальше въ перевалку... Вдругъ видитъ Бѣлячекъ... даже похолодѣлъ весь... собачья морда мелькнула, за ней другая, а дальше видимо ихъ невидимо... Пустились зайцы стрѣлой изъ лѣса. Лѣсъ порѣдѣлъ, а за нимъ кустарникъ, изъ кустовъ бѣжать страшно: чистое, чистое поле разстилается, мышъ пробѣжить, такъ видно... До сосѣдняго лѣса не близко... Хотѣли несчастные въ кустахъ притаиться, но что-то спугнуло ихъ... И

вылетѣли они въ поле... И ужъ какъ бѣжалъ Бѣлячекъ, что вокругъ него дѣлалось, ничего онъ не понималъ. Да онъ и не бѣжалъ: собравши послѣднія силы, онъ порхалъ какъ птица, не касаясь земли... Стая борзыхъ летѣла прямо на него; вотъ ужъ одна собака опередила всѣхъ... Но лѣсъ не далеко... Одна минута, и Бѣлячекъ спасенъ... Съежился онъ весь и, что было духу, шастнулъ въ сторону. Собака не ожидала этого и пронеслась далеко впередъ, остальные врѣзались въ кого-то: Бѣлячекъ только слышалъ, какъ со страшнымъ ревомъ началась свалка. Тутъ онъ угодилъ подъ гору, споткнулся и, какъ камень, кубаремъ покатился внизъ...

„Вотъ она смерть“! подумалъ звѣрекъ. Въ глазахъ его потемнѣло, все заходило кругомъ... онъ потерялъ память... Но вотъ словно кто-то толкнулъ

Бѣлячка; зайчикъ открылъ глаза... и какова же была его радость, когда онъ увидѣлъ, что лежитъ въ лѣсу, въ оврагѣ, у самаго ручейка... Ни лаю, ни крику не слышать, одни клесты да синицы посвистываютъ.

— Эге! такъ значитъ проживемъ еще“! смекнулъ Бѣлячекъ и вскочилъ какъ встрепанный...

